

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ У СВЯТЫНЬ БЕЛЬГИИ

Часть 3

СТАРИННЫЙ БРЮГГЕ – ЖЕМЧУЖИНА ФЛАНДРИИ

Ночью руки до плеча растут —
Мы крылаты снова на досуге...
Наши души ночью улетают
На каналы в позабытый Брюгге.

А. С. Головина¹

Эти строки, посвященные старинному бельгийскому городу, принадлежат поэтессе русского зарубежья А. С. Головиной. Алла Сергеевна Головина (урожд. баронесса Штейгер) (1909–1987) родилась на Украине, попала за границу в 1920 году; скончалась в 1987 году в Брюсселе². Брюгге Алла Сергеевна посетила в 1931 году, и город вдохновил ее на стихи: «Чинно звезды сторонятся в небе, / И туманы, подколов вуали, / Нас ведут туда, где черный лебедь / Под мостом вздыхает на канале...»³

Брюгге: страницы истории

Западные летописи упоминают о Брюгге уже в VI веке, и когда Балдуин Железная Рука возводил здесь свой замок, он был известен в связи с основанием Брюгге. После окончания строительства, как повествуется в одной из хроник, «для нужд и потребностей обитателей замка начали стекаться к воротам его моста торговцы и продавцы более ценных вещей, затем лавочники, затем содержатели постоянных дворов... стали строить дома и устраивать гостиницы, где помещались те, кто не мог обитать внутри замка; и вошло у них в обычай говорить: „идем к мосту“; здесь поселение настолько раз-

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монастыре митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Головина А. С. Городской ангел. Избранные стихи. Брюссель, 1989. С. 125.

² После 1920 года А. С. Головина жила в Турции, Чехословакии, с 1934 года — в Париже, с 1939 года — в Швейцарии, с 1955 года — в Бельгии. См. Прага: Скит, 1922–1940. Антология. Биографии. Документы. М., 2006. С. 438–442.

³ Головина А. С. Городской ангел. Избранные стихи. Брюссель, 1989. С. 125.

рослось, что вскоре образовался большой город, который по сию пору в просторечье носит имя моста, — ведь на их наречии Брюгге — значит „мост“⁴. В 1227 году нынешний центр города был окружен стенами; в 1270—1298 годах было выстроено новое кольцо укреплений (ворота Эзелпорт, конец XIII века, Крейспорт, 1368, Гентпорт, 1361—1363 годы, перестроены в начале XV века).

Хотя Данте никогда не бывал во Фландрии, он упоминал в «Чистилище» наиболее значительные фламандские города того периода, и прежде всего — Брюгге. Данте сравнивает окаменелые набережные Флегетона с плотиной, выстроенной фламандцами вдоль моря, между городом Бруджей (Брюгге) и местечком Гвидзантом (Виссант).

Вот мы идем вдоль каменного края,
А над ручьем обильный пар встает,
От пламени плотину избавляя.
Как у фламандцев выстроен оплот
Меж Бруджей и Гвидзантом,
чтоб заране
Предотвратить напор могучих вод⁵.

Средневековый Брюгге в записках С. В. Пантелеевой (1905)⁶

Окруженный стенами и защищаемый графами, поселок Брюгге в IX веке (тогда еще находившейся у морского залива) представлял убежище для всех спасавшихся от норманнов, как и для всех беглых крепостных. Беглые с радостью пользовались гостеприимным укрывательством, где они, прожив год с двумя днями, получали полные права гражданства и земельный надел. <...> В приморском (в XI веке) Брюгге существовал почти мировой рынок, а текстильное производство его даже воспевалось за границей латинскими стихами, причем брюжские ткани уподоблялись «цвету небесных переливов, считаясь достойными королевских одежд». Валяльная мельница была фламандским изобретением.

<...> В XII веке началась борьба фламандцев со своими графами иноземного происхождения, когда вымерла династия национальных графов, защитников горожан и крестьян. Горожане Брюгге закололи нового графа (1127 г.) датского принца, недолго продержался и следующий за ним граф, француз Гильом Клитон, меривший жизнь феодальной меркой французского времени, привычного к принижению французских горожан перед дворянством. Необычная для того времени независимость фландрских горожан и фландрского прибрежного крестьянства казалась графу такой нелепостью, не стоящей внимания, что с самого вступления он совершил непоправимую ошибку, отнесясь, словно к пустой форме, к своей присяге на Евангелии: свято охранять старые городские и крестьянские права фламандцев.

После целого ряда нарушений этой присяги, против графа поднялся весь Брюгге, как один человек, выставив своим вождем горожанина Бартольфа, бывшего крепостного, получившего гражданство в Брюгге. Фландрская милиция уничтожила рыцарское войско графа, сам граф был убит в одной из стычек. Приверженцам графа как-то удалось затем захватить в плен Бартольфа и жестоко казнить его, но это уже не помешало фламандцам удержать свою независимость. Вся Фландрия единогласно избрала тогда графом родственника прежних национальных графов, и этот новый фландрский граф Дидрих Эльзасский и его наследники никогда не забывали,

⁴ Fagniez: Documents relatifs à l'Histoire de l'industrie et du commerce en France, 1, 95. Цит. по: Средневековье в его памятниках. М., 1913. С. 115.

⁵ Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия. М., 1977. С. 136. Ад. Песнь 15. ст. 1—6.

⁶ Пантелеева С. В. Нидерланды и Бельгия. Очерки старого и нового. СПб., 1905. С. 44—98 (в сокращении).

что им посчастливилось только потому, что фламандцы глубоко верили в их преданность Фландрии. Они никогда не отделяли своих интересов от интересов энергичного населения Фландрии.

<...> Водворившийся во Фландрии новый граф Шатильон крайне презрительно относился к фламандцам, скоро он всех восстановил против себя. Дружил и кумился он только с патрициями *лилиертами*, которым тогда солоно приходилось расплачиваться за приглашение французов. Патриции города Брюгге благодаря новому графу захватили власть и, установив тяжелый налог, свалили всю тяжесть поборов на остальные классы населения.

В Брюгге жил тогда невзрачный с виду, косоглазый человек, чрезвычайно живой, находчивый, едко остроумный старшина ткацкого цеха, Питер де Конинг, будущий герой освобождения Фландрии от французов, которому благодарное отечество поставило мраморный монумент в Брюгге⁷. Двадцать четыре старшины различных цехов были главными организаторами народного ополчения в Брюгге, и когда патриции попытались засадить старшин в тюрьму, дверь ее была выломлена народом, и старшин освободили.

Патриции-лилиерты в Брюгге (не все патриции здесь были лилиертами, приверженцами французского знамени) собрали отряды из своих людей наемников, призвав из-за города на помощь графа с войском, думая с двух сторон напасть и уничтожить народное ополчение. Но оно не дремало, а встретило их своими длинными тяжеловесными копьями и загнало патрициев в башню. Со многими тут же расправились, а остальных засадили в тюрьму. С той поры город Брюгге находился во власти цехов.

Графу Шатильонскому пришлось призвать на помощь из Франции своего брата, графа Сент-Поля с войском. Они грозно подступили к стенам Брюгге. Город согласился впустить парламентаров, только требования графа оказались невероятными. Он требовал полнейшего подчинения, разрушения вековых укреплений Брюгге, высылки множества горожан и сооружения в городе крепости для его гарнизона. В этот критический момент, когда городу Брюгге угрожало полное уничтожение самоуправления, горожане забыли свои внутренние раздоры, и даже только что выпущенные патриции-лилиерты присоединились к цехам, отстаивая независимость своего города. Спешно отправили посла к французскому королю, моля защиты от графа, но французский король не имел расчета и вовсе не желал тогда ссориться с своим новым графом; он только подтвердил графские требования. Обо всем этом узнал от народного вождя Питера де Конинга младший сын прежнего графа Гвидо Дампиерра. Этот молодой граф только что убежал в Намюр из французской тюрьмы и задумал воспользоваться смутами во Фландрии, для восстановления власти своего наследственного графского рода. Из Намюра он отправил послом Питера де Конинга в Брюгге, обещая горожанам поддержку в общей борьбе с французами, а ткацкому цеху — особенное и прочное покровительство.

Вся Фландрия, охваченная патриотическим движением, собирала ополчения, везде развевались пестрые цеховые знамена, а рядом с ними братски колебались золототканые флаги патрициев и купеческих гильдий. Виднелись даже дворянские гербовые штандарты, впервые примкнувшие к народному ополчению. Часть фландрских дворян присоединилась к молодому графу Дампиерру, и только совершенно офранцузившиеся лилиерты покинули город вместе с графским судьей.

Взволновавшейся Фландрии нужен был только вождь, который внушал бы всем одинаковое почтение. Выбор пал на графа Юлиха, внука графа Гвидо Дампиерра. Пока во всей Фландрии организовалась национальная оборона, горожане Брюгге отстреливались сколько могли от окружающих город французов, мешая им разрушать стены укреплений Брюгге. Графу Шатильонскому, однако, удалось сильными

⁷ Этот монумент на главной площади в г. Брюгге изображает Питера де Конинга и Брейделя (старшину мясничного цеха) с фландрским знаменем в руках (примеч. С. В. Пантелеевой).

метательными орудиями проломить брешь в городской стене⁸. Через брешь, под вечер, в город вступила французская латная конница, и, овладев городом, французский граф немедленно распорядился, чтобы горожане изгнали всех принимавших участие в сопротивлении.

Это пришлось исполнить, но с наступлением ночи горожане отправили гонца за своими изгнанниками, недалеко отошедшими, призывая их помочь перебить французов. Под покровом очень темной ночи, они подползли к городским рвам, пролезли к разрушенной части городской стены, где стоял французский караул, и так быстро перекололи эту стражу, что она не успела подать сигнал к тревоге. Крепко спавших в городе французов немилосердно резали. Помогали в резне не только женщины, но даже подростки закалывали кинжалами спящих французов. Успевших выскочить на улицу фламандцы и в темной ночи распознавали, задавая вопросы «Schield en Vriend» (щит и друг?). Ломанный выговор ответа выдавал французов, и их тут же убивали. Сам граф Шатильонский каким-то чудом спасся, переодевшись во фламандское платье.

С горячими овациями встречали в г. Брюгге въезжавших с Питером де Конингом молодых графов Дампиерров. Графы, для усиления своей популярности, издали хартию о свободе продажи сукон, свободе всех занятий для каждого, упрочили городское самоуправление. Во главе управления стояли цехи сукноделов. Цехи тотчас восстановили древнегерманский закон, заменявший смертную казнь и ссылку штрафами.

<...> После победы при Куртре (в 1302 г.)⁹ значение г. Брюгге чрезвычайно усилилось. Беспощинная торговля притягивала сюда чуть не весь европейский мир. Все страны наперерыв заводили тут склады товаров, купеческие подворья, и вся Европа соображалась с морскими постановлениями в Дамме (приморская гавань Брюгге). Вообще, чем ближе к морю, тем все шире и могучее было торговое движение Фландрии. Тут венецианские галеры встречались с данцигскими, любекскими, гамбургскими «коггами», каталонскими «каравеллами» и с английскими, гасконскими и португальскими судами. Почти все суда, сдав свой товар, набирали фландрские сукна.

Брюгге был под управлением цехов. Тут даже рыцари исполнены были почтением к цехам, особенно после того, как на рыночной площади отрубили головы рыцарю с оруженосцем за попытку похищения хорошенькой девушки, дочери цехового ремесленника. К выборам в городской магистрат цехи никого не допускали, т. е. исключали все остальное население Брюгге. Во внешней политике этому городу приходилось лавировать между французским королем и фландрским графом, в вечном ожидании нападения то того, то другого, или обоих вместе.

<...> Граф де Маль тонкий дипломат, лавировал между политикой Франции и Англии. В 1348 г. он заключил мир с Эдуардом III, а через два года граф де Маль заодно с тремя большими городами Фландрии строго охранял этот нейтралитет, запрещая всякую поддержку которомунибудь из двух королей, при полнейшей свободе торговых оборотов чужеземных купцов.

<...> С прекращением чумы (1350 г.) и с установлением мира и нейтралитета во Фландрии Гент делается главным складом английской шерсти, а Брюгге главным центром ганзейского союза (с 1356 г.). <...> В 1370-х гг. граф де Маль разрешил горожанам Брюгге рыть нужный городу канал для соединения Брюгге с рекой и морем. Такой канал вовсе не улыбался коммерческим расчетам соперничавшего Гента,

⁸ При осаде городов пользовались «тараном», «кошкой» и «осадной башней» на колесах. Кошкой называли длинное строение, или навес на колесах, которое подкатывали ко рву осаждаемой стены укреплений и в определенном месте засыпали ров землей. Затем приближали «таран», ударами которого проламывалась стена; с «осадной башни», тоже на колесах, перекидывался мостик на стену. Метательные машины выкидывали ядра и камни (примеч. С. В. Пантелеевой).

⁹ В этом сражении народное фламандское ополчение одержало победу над французским рыцарским войском (а. А.).

и когда работы по канализации приблизились к гентским владениям, гентские ткачи перерезали всех рабочих канала (1379 г.).

<...> В 1389 году Филипп Артевельд, крестник английской королевы, во главе гентской милиции выступил, направляясь прямо на Брюгге, где тогда находился граф де Маль. Там как раз был большой праздник с процессией «святой крови», привезенной из Иерусалима. Весь Брюгге весело пировал по случаю праздника, когда гентское ополчение подошло к его стенам. Граф де Маль хотел было отложить битву на утро, но рыцари заверили его, что «очень легко справиться с изголодавшимся гентским воинством» и смело выступили за ворота; тут их до того оглушили выстрелы из мушкетов (*Donnerbüchsen*) и взрывчатые вещества, что рыцари опрометью бросились назад, к воротам, а гентцы, гнавшиеся за ними по пятам, ворвались в город и заняли рыночную площадь.

Граф, только благодаря наступившей темноте, в чужом платье, вплавь перебрался через ров и убежал от гентцев, захвативших Брюгге. Филипп Артевельд, покидая Брюгге, вручил защиту его брюггским ткачам, не забыв, однако, разломать брюггские башни, для того, чтобы отныне Брюгге был в зависимости от Гента.

Ганзейский Брюгге

Брюгге был важнейшим морским портом Северо-Западной Европы в XII веке, когда Союз ганзейских (торговых) городов контролировал рынки сбыта английской шерсти. Эти города, выросшие во Фландрии в эпоху раннего средневековья, славились в западном мире своими прекрасными тканями, производство которых являлось одной из основных отраслей экономики тех лет. Быстрыми темпами развивалась торговля. Первоначально сделки осуществлялись преимущественно на ежегодных или устраиваемых раз в два года торговых ярмарках. Время их проведения было строго определенным для каждого города, куда к этому моменту съезжались купцы. И хотя некоторые города постепенно превратились в постоянные торговые центры, это не означало, что от ярмарок вообще отказались.

С середины XIII века после образования Единого ганзейского союза Брюгге стал одним из основных центров международной торговли. Этот союз с центром в Любеке практически монополизировал торговлю в балтийском регионе в XIII—XV веках. В обмен на товары, доставлявшиеся ганзейскими купцами из Северной и Восточной Европы, Брюгге посылал в Прибалтику изделия стран Западной Европы, Средиземноморья и Востока, в частности фламандские ткани, английскую шерсть, французские вина, соль, итальянские шелка, специи.

Именно в тот период и началось развитие Брюгге. Его росту способствовало выгодное географическое положение: в самом сердце деловой, густо населенной Западной Европы, где на границе двух цивилизаций — германской и романской — были расположены влиятельные страны и королевства. К городу имелся свободный доступ и с суши, и с моря. Позднее, когда реку Цвин затянуло илом, суда, лишенные возможности подходить непосредственно к Брюгге, могли бросать якорь в некотором отдалении от него — во внешней гавани Дамме.

Один из документов городских властей конца XIII века дает представление о разнообразии товаров, которые продавались в Брюгге, и о странах, где они были изготовлены. В нем упоминалось не менее 34 различных районов (некоторые из них были объединены в более крупные образования, как, например, Германское королевство): все европейские регионы — от Швеции до Андалусии, от Англии до России; Тунис, Марокко, Константинополь, Иерусалим, Египет, Судан, Армения, территория Орды. Документ заканчивался следующими словами: «На землю Фландрии стекаются купцы

и товары из всех перечисленных королевств и земель, в том числе из Французского королевства, из Пуату, Гасконии... чьи купцы ежегодно посещают Фландрию наряду с торговцами из многих других стран. Вот почему ни одна земля не может быть соперницей Фландрии в торговых делах»¹⁰.

В Брюгге сходились пять основных торговых путей: из Лондона; из Генуи и Венеции вдоль средиземноморского и атлантического побережья; из Гамбурга, Любека и других ганзейских городов; из Кёльна на Рейне; из Генуи по суше через долину Роны и Шампань. Купцы Брюгге вели активную торговлю вплоть до XIII века. Они плавали в Англию и Шотландию за знаменитой английской шерстью, а также вдоль атлантического побережья, из портов которого привозили зерно, вино и сыр. Брюгге занимал ведущее положение в Ганзейском союзе фламандских городов.

Положение в корне изменилось, когда предприимчивые английские купцы сами стали возить шерсть на континент. Торговля в Брюгге уступила свою ведущую роль другим видам деятельности. Здесь стала развиваться текстильная промышленность, а также смежные отрасли. Кроме того, там изготавливали мебель, гобелены и другие декоративные предметы. Большим спросом пользовались янтарные четки работы местных ювелиров.

И все же Брюгге стал прежде всего крупнейшим к северу от Альпийских гор международным торговым центром. Купцы приезжали туда за полосатыми или однотонными тканями, шедшими на изготовление одежды высшего качества. Фактически Брюгге не располагал монополией на этот товар, но по качеству его ткани не уступали изготовленным в ряде других текстильных центров Фландрии и Брабанта и высоко ценились по всей Европе и даже за ее пределами. В 1354 году было запрещено покупать во Фландрии и потом провозить в Московию те сорта сукон, которые запрещалось продавать в суконных рядах в Брюгге во избежание подделки¹¹.

Частые гости Брюгге могли неизменно приобрести там продукцию самого высокого качества по сходной цене. Кроме того, купцы всегда имели возможность продать в Брюгге свои товары и купить изделия, привезенные их собратьями из других мест. В результате сюда хлынули товары не только для внутреннего, но и для международного рынка. Именно этот непосредственный обмен изделиями разных стран, а также сопутствовавшая ему деятельность обеспечивали процветание Брюгге, который оставался зажиточным городом, даже когда наступил спад производства дорогих тканей.

В Брюгге проживало множество иностранцев, объединявшихся в различные группировки и создававших своего рода «консульства». Самой влиятельной из таких организаций был Союз ганзейских городов (не путать с Единым ганзейским союзом, образовавшимся позднее в рамках Германской империи). Во время посещения Брюгге герцогом в 1440 году процессия встречающих иностранных подданных включала 136 представителей Ганзейского союза, 48 испанцев, 40 венецианцев, столько же миланцев, 36 генуэзцев, 22 флорентийца, 12 представителей города Лукка, а также португальцев и каталонцев. По какой-то причине в день встречи герцога отсутствовали англичане, хотя в Брюгге их было немало.

Брюгге — «северная Венеция»

В XV веке многочисленные феодальные княжества на территории нынешней Бельгии и Нидерландов вошли в состав Бургундского герцогства, которое на протяжении

¹⁰ Морен Поль. Жемчужина Фландрии // Курьер ЮНЕСКО, 1984, июль. С. 16.

¹¹ Журнал Министерства народного просвещения, март 1838, ч. 17. С. 618.

нескольких десятилетий было богатейшим и влиятельнейшим в Западной Европе. Оно не имело постоянной столицы, но Брюгге был одним из городов, где любил останавливаться герцоги со своей свитой. Именно здесь Карл Смелый сочетался браком с Маргаритой Йоркской, а Филипп Добрый основал орден Золотого руна. В Брюгге нашло свое отражение все великолепие эпохи герцогов Бургундских, выразившееся в развитии музыки, расцвете светской и церковной пламенеющей готики и знаменитой школы живописи, основателем которой стал Ян ван Эйк и членов которой несправедливо окрестили фламандскими примитивистами, несмотря на то, что их произведения вошли в число величайших достижений изобразительного искусства.

На исходе XV века герцог Бургундский Филипп Добрый привез молодую жену Хуану Кастильскую в свой родной город Брюгге. Ознакомившись с городом, будущая мать императора Карла V, пораженная пышностью нарядов знатных дам, заметила: «Я думала, я единственная королева в этой стране, но их здесь множество!» Возможно, этот эпизод — плод фантазии, но он свидетельствует о богатстве и великолепии города, который называли «северной Венецией». С другой стороны, конечно, Венецию можно считать «южным Брюгге», ничуть при этом не умаляя престижа города дождей. Бесчисленные каналы с перекинутыми через них живописными мостами, величественные общественные здания, дворцы знатных особ, старинные извилистые улочки — в них очарование обоих городов, сохранивших, однако, свою неповторимость и являвшихся ключевыми центрами торговли в эпоху средневековья¹².

В 1438 году испанский хроникер Педро Тафур отправился в путешествие «в поисках приключений и случая прославить себя, свой род и свою страну». Ему пришла в голову светлая мысль вести путевой дневник. В этом дневнике он позднее написал, что Брюгге, по его мнению, превосходил Венецию, поскольку в Брюгге бок о бок жили люди из многих стран, тогда как город на побережье Адриатики вел довольно замкнутый образ существования. «Мне говорили, — отмечал Тафур, — что в иной день порт покидают до семисот кораблей. Столица Фландрии — огромный город с красивыми зданиями и улицами. В нем проживает много жителей и среди них немало ремесленников. В городе множество церквей и монастырей, а также хороших гостиных домов. Все здесь, в том числе и правосудие, организовано образцово. Жизнь в городе бьет ключом. В Брюгге можно приобрести товары со всех концов света»¹³.

Брюгге и Венецию роднили не только их географическое положение и характер экономической деятельности. Вот что писал о Фландрии шурина короля Богемии Лео фон Розмиталя, который в 1466 году в сопровождении свиты из 40 вельмож и слуг совершил путешествие практически по всем странам Западной Европы: «В этой стране, и особенно в Брюгге, среди знати существует обычай облачаться во время карнавала в пышные костюмы, состязаясь в их богатстве. Цвет костюма господина носят и его слуги. Но узнать, кто есть кто, невозможно, поскольку все лица скрыты масками. В таком облачении они разъезжают под трубные клики и дробь барабанов по балам и другим увеселениям»¹⁴.

...По экономическим, социальным и политическим причинам Брюгге, осмелившийся даже заключить в тюрьму одного из Бургундских герцогов, Максимилиана I, вынужден был на рубеже XV и XVI веков уступить свои позиции другим городам, и прежде всего Антверпену, которому в XVI веке суждено было стать важнейшим коммерческим и финансовым центром. «В XV веке, во время владычества бургундских герцогов, пада-

¹² Морен Поль. Жемчужина Фландрии // Курьер ЮНЕСКО, 1984, июль. С. 16.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же.

ет значение западных и юго-западных городов, особенно фландрских, — Гента, Брюгге, Иперна, — пишет С. В. Пантелеева. — Например, Брюгге разоряли введенные еще графом де Малем ввозные пошлины на английскую шерсть. Ранее Брюгге был нейтральным складом для вывоза этой шерсти, но графские пошлины заставляют флорентийских, венецианских и всех других купцов совершенно обходить Фландрию, забирая шерсть не в Брюгге, а прямо из Англии. Одной из причин упадка Брюгге считается обмеление Цвинского канала и гавани Брюгге, а также новый дух времени, требовавший реформ для устранения устарелых монополий и частных привилегий многих городов»¹⁵.

Русские паломники у святынь Брюгге

Россия издавна торговала с Брюгге, но вплоть до XVIII века русские читатели мало что знали об этом городе. «Брюгес — великий город во Фландрии... в городе 60 церквей, с довольным числом монастырей... он принадлежит королю гишпанскому»¹⁶ — такие сведения о Брюгге могли почерпнуть они в середине XVIII века. Город лежал в стороне от традиционных путей следования русских путешественников, направлявшихся из России во Францию. Но тем не менее со временем они стали посещать Брюгге, наслышанные о его святынях и церковных достопамятностях.

Свое знакомство с Брюгге в 1842 году русский писатель И. Симонов начал с посещения *церкви Богородицы* (Нотр-Дам; Онзе-ливе-Враукерк), чья башня высотой 122 метра с четырьмя колоколенками видна почти повсюду в Брюгге.

Онзе-ливе-Враукерк (готика; неф — 1210—1230, хор и трансепт — 1260—1335, кирпичная башня высотой 122 метра — около 1290—1549. Бронзовые гробницы Марии Бургундской, 1496—1502, и Карла Смелого, 1558—1562).

Этот храм гордится мраморной скульптурой «Пиета» работы Микеланджело, принесенной в дар церкви в 1514 году жителем Брюгге Мукроном¹⁷. «В церкви Пресвятой Богородицы, кроме многих прекрасных картин и Божией Матери с Иисусом Младенцем, из белого мрамора, работы Микель-Анжа, находятся 2 примечательных и богатых мавзолея, воздвигнутых Карлу Смелому и дочери его Марии»¹⁸, — пишет И. Симонов о внутреннем убранстве церкви.

Смерть Марии, дочери Карла Смелого (1433—1477), последней представительницы Бургундской династии, значила для фламандцев многое. Бургундская династия была для них символом относительной самостоятельности Фландрии, с ней был связан расцвет городов. Черный мрамор и золотистая бронза надгробия Марии, сделанного в конце XV века брюссельским мастером Пьером де Бакер, кажется реквиемом «золотому веку» Брюгге. Карл Смелый стремился упразднить зависимость от французского короля и основать независимое государство между Францией и Римской Германской империей. В 1477 году он погиб в битве при Нанси; в XVI веке по воле Карла V, его правнука, останки Карла Смелого были перенесены из Нанси в Брюгге.

Как и другие бельгийские города, Брюгге славился своим колокольным звоном. Поднявшись на *колокольню* (Tour des halles)¹⁹, И. Симонов отметил, что «на ней примечательны часы с колокольной музыкой, сделанные Антоном Гондтом в 1748 году. Глав-

¹⁵ Пантелеева С. В. Нидерланды и Бельгия. Очерки старого и нового. СПб., 1905. С. 98.

¹⁶ Рот Рудольф. Достопамятное в Европе, то есть описание всего, что для любопытного смотрения света. СПб., 1761. С. 38.

¹⁷ Ненашев А. П. Бельгия, Голландия и Лондон. М., 1911. С. 63.

¹⁸ Симонов И. Записки и воспоминания о путешествии по Англии, Франции, Бельгии и Германии в 1842 году. Казань, 1884. С. 240.

¹⁹ Об истории колокольни см. там же. С. 241.

ный цилиндр сделан из меди: он весит около 600 пудов. Музыка составлена из 48 колоколов, из которых самый большой имеет $2\frac{1}{2}$ аршина вышины и $3\frac{1}{2}$ в диаметре, а самый меньший в 3 вершка вышиною и в 4 вершка в диаметре»²⁰.

Одной из святынь, прославивших Брюгге в христианском мире, является *рака св. Урсулы*, в которой заключены останки этой мученицы, привезенные канцлером Карла Смелого Ансельмом Адорном из Святой земли. Дочь короля Бретани Нотуса (VII век), известная своей набожностью, св. Урсула, совершив множество богоугодных дел и приняв мученическую смерть, стала одной из почитаемых святых Римско-католической церкви. В XV веке житие св. Урсулы изобразил в красках знаменитый фламандский художник Ганс Мемлинг, и сегодня цикл его картин находится в музее Грюнинге в Брюгге; это бывший *госпиталь св. Иоанна* (фламандск. «Синт-Янс»), где монахини-урсулистки ухаживали за больными.

«В церкви Больницы св. Иоанна с великим уважением сохраняется рака св. Урсулы, сделанная в виде прямоугольного здания в 9 вершков вышиной, $14\frac{1}{2}$ длиной и 5 шириной, — пишет И. Симонов. — Она драгоценна золотой отделкой, древностью и в особенности живописью Геммелинга (Мемлинга. — *Авт.*)²¹, изображающею мученичество св. Урсулы и 11-ти тысяч дев. Рака закрывается шелковой занавеской; для любопытствующих занавеску открывают, и поворачивают раку на шпиле. Там же находится лучшее произведение Геммелинга, изображающее таинственный брак св. Екатерины (вероятно Сиенской), окруженной братьями и монахинями больницы св. Иоанна, жившими во время Геммелинга»²².

В отличие от И. Симонова другой русский паломник В. С. Печерин был в Брюгге не как путешественник, но в качестве эмигранта.

Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885) — русский иезуит. Окончив курс в Петербургском университете, в 1833 году был командирован за границу для подготовки к профессорскому званию. В 1836 году занял кафедру греческой словесности в Московском университете. В 1836 году эмигрировал из России. В 1840 году перешел в католичество; в 1841 году стал монахом редемптористского ордена, а в сентябре 1843 года принял сан католического священника. До конца 1844 года Печерин жил в Льеже и Брюгге, после чего переехал в Англию, а затем в Ирландию. Вот что записал В. С. Печерин в своем дневнике в сентябре 1844 года: «Меня с молодым товарищем — миссионером отцом Лудвигом послали в Остенде. После 3-х или 4-летнего заключения в монастыре я совершенно отвык от путешествия, и меня, как ребенка, посадили на пароход, всунув мне в руки 5 фунтов на дорогу до Фальмута»²³.

Старинный Брюгге в записках Н. И. Греча

Николай Иванович Греч (1787—1867) — российский литератор, автор «литературных путешествий»: «28 дней за границу, или Действительная поездка в Германию, 1835» (Санкт-Петербург, 1837), «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (Санкт-Петербург, 1839), «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (Санкт-Петербург, 1843), «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» (Санкт-Петербург, 1847).

²⁰ Там же. С. 241—242.

²¹ Ганс Мемлинг (ок. 1433—1494) был выдающимся представителем фламандской школы. Отдавая предпочтение религиозным сюжетам и портретной живописи, он всю свою жизнь работал в Брюгге.

²² Там же. С. 239—240.

²³ Печерин. В. С. Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*) // Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 256.

Брюж, Брюгге, один из знаменитейших городов Бельгии, был в XIV веке средоточием всемирной торговли. В нем поселились фактории или комиссионерства семнадцати королевств; жили двадцать чужестранных министров; сюда приезжали торговые люди из стран неведомых. Самой большой славы и блеска достиг Брюж в начале XV века, когда в нем был двор герцогов Бургундских. Тогда процветали в нем живописцы Иоанн и Губерт ван-Эйк, родоначальники Фламандской школы²⁴.

В Брюже учрежден был, в 1450 году, знаменитый орден Золотого Руна, герцогом Филиппом Добрым, при бракосочетании его с Изабеллой Португальской. Золотым Руном означалось богатство Фландрии, изобиловавшей шерстью и шерстяными товарами.

И это богатство, это благоденствие, эта промышленность давно исчезли. Фабрики и торговля упадают более и более. Число жителей уменьшилось до сорока пяти тысяч, между коими пятнадцать тысяч бедных. В Брюже живут богатые капиталисты, удалившиеся от дел, но такие люди только считают свои деньги, а в оборот не пускают. Быстрое обеднение Брюжа способствовало к сохранению в нем многих старинных зданий, и он более всех других городов Бельгии носит на себе характер Средних веков. Станция железной дороги окружена старинными колоннадами и сводами: это бывший Пятничный Рынок, на котором граждане Брюжа, 30-го Марта 1128 года, избрав в графы Фландрские Дидие Алзатского (Эльзасского. — *Авт.*), отреклись от повиновения Вильгельму Нормандскому, которого поддерживал король французский.

<...> Вскоре я вышел на большую площадь. С одной стороны ее возвышалось большое готическое здание с высокой башней, которое я почел было ратушей. С другой представлялись взору старинные дома разнообразной постройки. На площади было много народу. Женщины в черных салопах с черными капюшонами, словно монашенки. Раздался звук барабана. Солдаты выстроились перед караульной. Забили зорю. Музыка играла, и очень хорошо, мелодии мне новые и неизвестные. Густая толпа народа ее окружала. Чуждый посреди этой толпы, перенесенный в неведомый дотоле мир, я был в каком-то очаровании. Кончилась музыка. Толпа разошлась. Остались на улице немногие, и опять черные тени женщин забродили в полумраке. Я стоял в раздумье и переносился умом в Средние века. Декорация та же; костюмы старинные; язык того же века.

Ко мне подошел какой-то человек, сколько видно было в сумерках, порядочно одетый, и спросил учтиво по-французски, не иностранец ли я. — «Точно так», — отвечал я, — «за час пред сим прибыл я в Брюж, и брожу здесь под самыми разнообразными впечатлениями, не зная, что вижу и что слышу. Что это за площадь? Что это за здания?» — «С удовольствием удовлетворю вашему любопытству, — отвечал он, — мы теперь на *большой Торговой площади*²⁵. Это готическое здание — Ряды (*les Halles*). Оно построено в XIII веке. В одной его части мясные лавки, в другой гауптвахта и контора городских сборов. Посмотрите, как величественна высокая готическая башня над Рядами: теперь, ночью, глядит она как привидение. На ней был деревянный шпиг: он сгорел лет за сто пред сим».

В эту минуту заиграли на башне куранты. «Они играют каждую четверть часа», сказал мой вожатый, и считаются лучшими в Европе: они состоят из сорока семи колоколов, разделенных на четыре октавы». В самом деле, мне показались они звонче и приятнее всех слышанных мною. — «С этой (другой) стороны видите Вы *Сукожные ряды*²⁶, они построены лет за пятьдесят пред сим и не заслуживают внимания. —

²⁴ В XV веке Брюгге стал колыбелью фламандской живописи, хотя и не все прославившие город художники были его уроженцами. Ян ван Эйк (ок. 1390—1441), глубоко реалистичная, исполненная внимания к деталям манера которого открыла новую страницу в живописи, поселился в Брюгге в 1431 году.

²⁵ Площадь Грооте-Маркт.

²⁶ Сукожные ряды, заложенные в 1248 году и перестроенные в XVI веке.

Но вот два любопытных дома: в этом, на углу улицы, называемом Краненбург, граждана Брюжа заключили, было, императора Максимилиана, когда он не хотел отдать сына своего, Филиппа, под опеку Франции. Папа грозил им проклятием. Императорское войско шло на них. Буйные головы настояли на своем. Теперь в этом доме шинок. — В другом доме, на углу улицы Св. Аманда, жил Карл II, король Английский, по изгнании его из отечества».

Я поблагодарил приветливого толкователя, и он взялся проводить меня домой. Мы пошли кривыми улицами, мимо старинной церкви, окруженной высокими, густыми деревьями. Черная тень женщины стала на пути нашем, и, протянув иссохшую руку, глухим голосом, по-фламандски просила подаяния. Я дал ей два су; она удалилась с благословениями. Вожатый мой сказал мне, что в Брюже редко кто подает милостыню, потому что все сами ходят здесь по миру, и, конечно, на другой день в нищенском мире распространится слух, что в Брюж приехал щедрый английский милорд. У ворот гостиницы простился я с незнакомцем, искренно поблагодарив его за обязательное руководство.

На другой день начал я свои странствия с семи часов утра. Сначала отправился я в Академию Художеств, и в ее музее видел картины фан-Эйка и Мемлинга, трудами которого славится Брюж. Тут же выставлены некоторые работы учеников Академии, подающих большие надежды. Удивительно, какая деятельность, какой гений художественный возникли в Бельгии!

Церкви Брюжа равномерно богаты прекрасными произведениями старинного искусства. Собор Спасителя (La Cathedrale du St. Sauveur), готическое здание XIV века, выстроенное из кирпича, снаружи очень некрасиво: тяжело, грубо, обезображено новыми пристройками, и лишилось башни своей от пожара, в 1839 году; но во внутренности своей красуется изящными картинами Мемлинга, де-Фоса, фан-Ооста и других.

В церкви Богородицы (Notre Dame) находится изваяние Богородицы с Предвечным Младенцем, приписываемое Микель-Анджелу. В этой церкви достойны замечания гробницы Карла Смелого (ум. в 1477) и дочери его Марии. На мраморных досках лежат бронзовые статуи отца и дочери. По стенам Мариина саркофага красуются богатые щиты с гербами провинций, которые Мария принесла в приданое Австрийскому Дому. Память сей прекрасной и добродетельной царицы живет в Нидерландах. Беременная, она провожала супруга своего на охоте в окрестностях Брюжа, упала с лошади и, боясь огорчить супруга, скрывала от него смертельный свой недуг.

Подле сей церкви находится старинный госпиталь св. Иоанна, в котором ходят за больными Сестры Милосердия. В небольшой церкви его, сказывают, есть многие драгоценные произведения Мемлинга. Ян Мемлинг, служивший солдатом в армии Карла Смелого, в 1477 г., после сражения при Нанси, раненый, больной, в ветхом рубище, прибрел в Брюж, был принят благочестивыми монахинями, и выздоровев, употребил все свои силы и способности для украшения их храма. Я не мог войти во внутренность сей церкви, за какую-то помехою, и очень о том жалею. Мне сказывали, что находящиеся в ней художественные сокровища не имеют подобных себе в мире.

Ратуша в Брюже прекрасное готическое здание с шестью башенками и странными слуховыми окнами в высокой крыше. Фасад состоит из шести огромных окон во всю стену. Стоявшие в нишах между окнами статуи графов Фландрских разбиты революционерами в 1793 году. Потолок состоит из деревянного свода. Стропила его пускают от себя стрельчатые дуги, украшенные изящной резьбой. В ратуше находится городская библиотека, и есть несколько редких картин. В архиве ее гниют драгоценные документы Средней Истории. В числе их есть реестр лотерейных выигрышей, в Брюже, в 1446 году. Из этого явствует, что лотереи возникли не в Италии, а в Нидерландах, и ранее, нежели как полагают.

Напротив ратуши находится дом присутственных мест (Palais de Justice), здание отчасти новое. В отделении уголовной палаты, именно в комнате заседания присяжных (Jury), есть художественная драгоценность Брюжа, единственная в мире.

Это огромный камин, покрытый резьбой на мраморе и на дереве. Он сделан в 1529 году. Над камином резные деревянные статуи Карла V, Марии Бургундской и Максимилиана Австрийского (его бабки и деда), далее Карла Смелого и Маргариты Йоркской (его прадеда и прабабки); в малых медальонах — родители его, — Филипп Прекрасный и Иоанна Арагонская. На белом мраморном фризе изображена история целомудренной Сусанны. Все это окружено арабесками, гирляндами и т. п., самой изящной и нежной работы.

К верхней доске наличника приделаны медные скобы, за которые придерживались рыцари, отогревая ноги, озябшие в верховой езде. Весь этот памятник свидетельствует о совершенстве искусства и о терпеливости художников XVI века.

Странствия по Брюжу заключил я посещением *дома Стрелецкого Общества*. Братства стрельцов (*societes d'archers ou d'arbaletiers*) существовали в Нидерландах с XIII века. Они состояли из людей свободного звания, упражнявшихся в стрельбе в цель из лука, и усердно служивших на войне. Поступавший в сие сословие присягал в верности братству и начальникам города, обязывался исполнять приказания старшины, которого величали королем стрелецким, мирился с теми из собратьев своих, с которыми был в ссоре. Ростовщиков и развратных исключали из братства. Многие из них отличились неустрашимостью в войне и благородными поступками в мире.

Государи и вельможи вписывались в списки стрельцов и оказывали им покровительство. Общества ездили в гости из города в город, и были угощаемы братьями своими радушно и великолепно. Многое переменялось в Бельгии, а братства стрелецкие существуют поныне. В Брюже их два: *Св. Георгия* и *Св. Севастиана*. Я посещал дом последнего, в Кармелитской улице, отличающийся небольшой готической башенкой. Члены сего общества в старину сопровождали графов Фландрских на поездках их, защищали город в случае опасности, и оказывали ему разные услуги. В 1656 году король английский Карл II и брат его, герцог Генрих Глостерский, оставив волнуемое мятежами отечество свое, вписались в члены сего братства, и завещали ему по смерти своей значительные суммы. Герцог подарил ему серебряную стрелу со своим гербом. Общество, получив, вследствие сего завещания, три тысячи шестьсот гульденов, построило залу для собраний, и украсило ее мраморным бюстом короля и портретом герцога. Нынешний король бельгийцев внес свое имя в список членов, пожаловал обществу титул королевского, и подарил ему портрет свой. На дворе выстроена длинная галерея, в которой члены (братства) забавляются стрельбой в цель в ненастное время. Разумеется, что ныне сии общества утратили свою старинную значительность и служат только местами и средствами приятного препровождения времени, но достойны внимания и любопытства, как живые памятники причудливой эпохи Средних веков.

Старинные здания Брюжа обветшали, памятники разрушились, драгоценные произведения искусств отчасти развезены по другим городам, но одно достояние принадлежит ему исстари поныне: это красота женщин. Во всей Бельгии не видал я таких прекрасных, выразительных черных глаз: из-под черного капюшона, на белом, правильном лице, под высоким челом и живописными бровями, блестят они, как на ярких красках картинах Мемлинга. Во всех домах плетут кружева; идучи по улице, пошлышишь стук коклюшек и взглянешь в окно: поднимется головка, и две звездочки засверкают, как в ясную ночь на синем небе²⁷.

²⁷ Греч Н. И. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб., 1847. С. 204–211.